

Использование полных цитат помогает придать тексту убедительность, достоверность, а также обеспечивает точность передаваемого материала. Посредством цитаты передается индивидуальное оформление мысли говорящим. В отличие от полной редуцированной цитата часто изменяет исходное значение. Сокращенный отрезок текста источника в новом контексте приобретает новое значение и смысл в зависимости от намерения и целей оратора. В данном случае редуцированная цитата становится индивидуальной, неповторимой.

Второй по частоте способ реализации интертекстуальности – косвенная речь. Она позволяет передать большее по сравнению с цитатой количество информации.

...*Herr Müller hat darauf hingewiesen, dass es durchaus Interessenten gibt.*

...*Der Maler Liebermann hat lange darüber resümiert, dass jeder erwachsene Bürger dieses Landes eine Stimme hat.*

Как показал анализ языкового материала, зачастую авторы предпочитают использовать комплекс интертекстуальных средств – цитату и косвенную речь, благодаря чему удается сочетать преимущества каждого в отдельности способа межтекстового взаимодействия.

Такой вид межтекстового взаимодействия как аллюзия представлен небольшим количеством примеров. Это обусловлено сложностью восприятия и расшифровки данной фигуры интертекста. Аллюзия – скрытый или явный намек на известное, преднамеренное использование определенного элемента предшествующего текста с целью вызова соответствующих ассоциаций.

...*Deshalb finde ich es gut, dass knapp 50 Jahre später endlich das Thema 'better regulation' auch in Europa gehalten hat...*

Следовательно, интертекстуальные средства в речи Ангелы Меркель реализуются в разной степени: от явной (использование цитат и косвенной речи) до скрытой (употребление аллюзий).

Для политического дискурса Ангелы Меркель свойственна фидеистичность. Фидеистичность дискурса проявляется в том, что цитата и косвенная речь посредством эмоциональной, экспрессивной функций направлены на вызов определенных чувств, переживаний и эмоций. Дан-

ные особенности характеризуют Ангелу Меркель как нравственную, гуманную политическую личность.

Фигуры интертекста, выполняя функции доказательства, убеждения, достоверности, за счет точности передаваемого материала помогли канцлеру сформулировать свою точку зрения, развить собственную мысль в нужном русле и обосновать ее.

Ангела Меркель обращается не только к чувствам людей, но и к их разуму, призывая понимать и осознавать степень ответственности за свои поступки, проявлять толерантность, быть терпимее по отношению к другим нациям, народам, другим культурам.

1. Бобровская В.Г. Об особенностях современного политического языка // Культура речи. – Русская речь. – 2006. № 4. – С. 63-67.

2. Богатырева Н.А. Стилистика современного немецкого языка: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и ф-тов / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. – М.: Академия, 2005.

3. Брандес М.П. Предпереводческий анализ текста (для институтов и ф-тов иностранных языков): учеб. пособие / М.П. Брандес, В.И. Провоторов. – 3-е изд., стереотип. – М.: НВИ ТЕЗАУРУС, 2001.

4. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1990.

5. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М.: Академический проект, 2004.

6. Бахтин М.М. Проблемы речевых жанров. – СПб.: Азбука, 2000.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность – М.: УРСС, 2003.

8. Купина Н.А. Филологический анализ художественного текста / Н.А. Купина, Н.А. Николина. – М.: Флинта, 2003.

9. Макаренко В.П. Политический дискурс: между бессмыслицей и порочным кругом // Социология и политология. – Вестник МГУ. – Сер. 18. – 2005. – № 2. – С. 72-95.

10. Павлова Е.К. Лексические проблемы глобального политического дискурса // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Вестник МГУ. – Сер. 19. – 2005. – № 2. – С. 98-110.

11. Попова Е.А. Цитация как вид интертекстуальных включений // Обучение иностранным языкам: настоящее и будущее. Сб. материалов и тез. докл. науч.-практ. конф. – Самара: Самар. гос. аэрокосм. ун-т, 2006. – С. 165-170.

12. Попова Е.А. Косвенная речь как средство актуализации интертекстуальности // Типология высказывания и текста: сб. статей. – Самара: Международный институт рынка, 2006. – С. 56-59.

13. Попова Е.А. Аллюзия как один из способов актуализации интертекстуальности // Актуальные проблемы гуманитарных наук. Сб. статей Самарского научного центра РАН. – Самара, 2006. – С. 108-112.

14. Ризель Э.Г. Стилистика немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1975.

М.А. Куроедова, Н.Г. Архипова

ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ИЗУЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

The questions of actuality of language's personality category understanding in linguistics are considered in the article.

В большинстве исследовательских работ, посвященных изучению теории языковой личности, по сей день принято пользоваться определением, предложенным Ю.Н. Карауловым и конкретизированным в 1989 г.: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью. В этом определении соединены способности человека с особенностями порождаемых им текстов» [1, с. 5].

Человеческая личность как объект лингвистической теории сегодня интересует многие частные научные языковедческие дисциплины – функциональную стилистику,

культуру речи, риторичку, психолингвистику, социолингвистику, этнолингвистику, лингвистику текста и др.

Категория «языковая личность» органично вписалась также в довольно перспективную и обширную зону лингвистических исследований, посвященную изучению *языковой картины мира* [2], что обеспечило ей пристальное внимание и неугасающий интерес ученых, занимающихся изучением этой сферы знания.

Идеи и подходы к языковой личности дают нам представление и о структуре категории «речевой портрет». Поэтому мы находим ряд интересных и ценных наблюдений, посвященных данной теме. Мы оттолкнемся от первого, привлекающего своей краткостью обзора, сделанного самим Ю.Н. Карауловым в 1995 г. по материалам одного лишь сборника [5]. В статье, обобщая материалы этого сборника, автор писал о содержательных (тематических) параметрах, составляющих понятие языковой личности, а также воспроизвел трехчастную структуру (ядро, модификации, периферия) данного понятийного поля.

В ядро данной категории вошли: субъект (осмысливший и отразивший его в своей речи); индивид; автор текста; носитель языка; информант; говорящий; *речевой портрет*. В качестве модификаций были выделены: языковая личность специалиста-филолога (филологическая

как представитель определенной социальной группы (коллективная языковая личность) и языковая личность как индивидуальность (индивидуальная языковая личность» [8, с. 13]. Далее автор утверждает, что коллективная языковая личность репрезентирует многокомпонентную парадигму соответствующих речевых личностей, «таким образом, коллективная языковая личность представляет собой общий усредненный речевой образ соответствующих речевых личностей, носителем их наиболее характерных черт» [8, с. 15].

Оба автора не дают нам удовлетворительного ответа на вопрос о соотношении языковой и речевой личности, но желание развести между собой эти две категории в их работах четко обозначено. По нашему мнению, взаимоотношения двух таких близких категорий как языковая и речевая личности должны строиться на тех же принципах, что и взаимоотношения языка и речи, которые «образуют в совокупности единое явление, и в то же время между ними есть принципиальные различия» [9, с. 5].

Одним из важных отличий речи от языка, что для нас важно, является ее индивидуальность и конкретность, на этом должно базироваться и основное отличие речевой и языковой личности. Как язык творит речь и в то же время сам творится в речи, так и языковая (коллективная) личность творит речевую (индивидуальную, конкретную), и в то же время сама творится в речевой личности. Речевая личность – это уже не только способность творить тексты, это реализованная в речи способность, проявляющаяся в тех или иных речевых построениях. Говорить о речевой личности можно только на основании конкретных речевых произведений, которые свидетельствуют об этой способности. При исследовании же конкретной речевой ситуации на уровне языковой личности исследователи заходят в тупик: «Конкретная языковая личность в разных коммуникативных ситуациях выступает как иная, новая личность. Языковая личность является своего рода абстрактным конструктом (типа фонемы), с которой соотносятся контекстуальные алловарианты этой личности» [10, с. 4].

Категория речевой личности требует дальнейшего развития, так как ее исследователи не соотносят ее пока с речевой структурой текста. Категорию «речевой портрет» в самом общем виде можно рассматривать как качественную определенность субъекта речи в тексте. В описание данной категории включатся те речевые характеристики, которые наиболее определенно и выпукло представляют автора в тексте. Речевой портрет – это своего рода вершина айсберга речевой личности. К тому же восприятие качественных параметров речевых характеристик имеет некоторый субъективный оттенок, так как многие исследо-

ватели смотрят на произведения еще и как читатели. Анализ речевой структуры произведения с этих позиций увеличивает, на наш взгляд, практическую значимость работы.

Таким образом, категория «речевой портрет» самым органичным образом вписывается в тематические и методические направления таких крупных категориальных сфер, каковыми являются образ автора в литературоведении и поэтике, авторское «я» в стилистике и языковая (речевая) личность в лингвистике.

И именно опора на несколько антропоцентрических языковых категорий в анализе творчества любого автора позволит, как нам кажется, с разных сторон изучить обозначенную в тексте его творческую индивидуальность. В частности, исследователь будет иметь возможность выявить доминирующие в тексте речевые приемы, определяющие целостность его стиля, стилевые и жанровые особенности творчества автора, его мировоззренческие и психологические установки, влияющие на характер творчества и отбор фактического и речевого материала, что, в конечном счете, позволит говорить о создании многостороннего речевого портрета исследуемого автора.

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.
2. Роль человеческого фактора в языке: коммуникация, модальность, лексикон. – М., 1992; Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность. – Тамбов, 1999; Языковое сознание и образ мира. – М., 1997; Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998; Язык – мир – человек. – М., 1995; Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 1999; Караулов Ю.Н. Что же такое «языковая личность»? // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995; Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики // Тез. докладов и сообщений на международной научной конференции. / 12-14 мая 1995 г. Екатеринбург. – Екатеринбург, 1995.
3. Пузырев А.В. Языковая личность в плане субстратного подхода // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998.
4. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998.
5. Караулов Ю.Н. Предисловие // Язык и личность. – М., 1989.
6. Богин Г.И. Уровни и компоненты речевой способности человека. – Калинин, 1975.
7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт, становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1.
8. Тупицина И.Н. Лексико-семантические особенности речевого образа предпринимателя в устном деловом диалоге: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ульяновск, 2000.
9. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М., 1997.
10. Зеленская В.В. Репрезентативная сущность языковой личности в коммуникативном аспекте реализации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Краснодар, 2000.

Н.В. Лагута, Н.А. Чапайкина

СЕМАНТИЧЕСКОЕ НАПОЛНЕНИЕ СУБЪЕКТА В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ

The authors of the article are concerned with the types of subjects in dialect speech with characterizing meaning.

В зависимости от значения и формы высказывания выделяются логико-синтаксические типы, среди которых самые распространенные – бытийные высказывания, высказывания со значением восприятия и высказывания характеристики. Логико-синтаксические типы различаются в зависимости от того, как в высказывании развивается и формируется пропозитивное содержание, выражающее отношение высказывания к действительности. Основной

способ выражения пропозитивного значения – предикативная конструкция.

«Выделение пропозиции характеристики основано на том, что любой предмет, факт обладает набором различных признаковых характеристик» [1, с. 75]. В высказываниях характеристики сообщается о признаках, состояниях, отношениях, квалификации конкретных предметов, событий, явлений, понятий. В основе таких высказываний лежит субъектно-предикатная схема предложений. Субъект – характеризуемый компонент, предикат – характеризующий.

Высказывания характеристики могут строиться на основе формальных двухкомпонентных (двусоставных) и однокомпонентных (односоставных) схем. Если характеризующие высказывания имеют двусоставную формальную схему, то специальное выражение получают и характеризуемый, и характеризующий компоненты. На осно-